

Жила-была продажная девка империализма

Коммерсантъ-daily - 1997 - 19 ноября - с. 13
в бараках послевоенной Москвы

Чувственный фрагмент текста Анатолия Азольского, приводимый здесь в качестве иллюстрации, выбран, надо признаться, вполне произвольно — просто из-за своей игривости. На деле же все произведение (роман? точнее было бы назвать повестью) написано так же: густой интонационный поток, многословный и, однако же, занимательный.

«Клетка» — вещь несомненно успешная, и тот, кто не поленился разыскать «Новый мир» годичной давности, будет вознагражден хотя бы тем, что не пожалеет о времени, истраченном на чтение. При том уловить, в чем именно причина этой удачи, не так-то просто. Разумеется, авантюрная фабула — штука беспроектная. Рассказывается о похождениях своеобразного супермена в военные и послевоенные времена. Отличная идея, даром что простая: взять протагониста со статьями и навыками Шварценеггера и поместить его в условия сталинской России. При этом сделать не участником жизненного мейнстрима, а принципиальным маргиналом, нашим советским outlaw.

Рецепт голливудского боевика не зря приходит на ум: для соблюдения пропорций необходимо самого агрессивного героя снабдить какой-либо светлой страстью, дать положительную мотивацию. Вот она: есть брат, одаренный ученый, занимающийся запрещенной генетикой. Высокая научная мысль гнездится в пригородных бараках, в подвалах, где обитают всяческие общественные изгои. Почему бы и нет? Авантурным героям положено находиться среди какого-нибудь человеческого отребья. Одухотворить стальные бицепсы и тестикулы страстью к познанию мира непросто, но Анатолию Азольскому это удалось.

Возможно, эта самая генетика лишь метафора, и соответственно, как всякая метафора, она тривиальна. Но, будучи выписана подробно, жизнеподобно, как говаривали соцреалисты, она не вызывает отталкивания.

Словом, по части компонентов все в порядке: здесь все грамотно, все не ново, все профессионально. По части стиля и слога та же ситуация: написано энергично, плотно (буквально почти без абзацев), легко.

Итак, «Клетка» хороша. Что-то однако мешает чистой радости. Что же? На мой взгляд, одно небольшое обстоятельство, которое погубило уже не одну книгу —

Фрагмент романа Анатолия Азольского «Клетка»

Подружки с седьмого или восьмого класса приступили к наблюдениям за своими набухающими телами и округляющимися бедрами, по утрам рассматривали себя перед зеркалом, обнажаясь в последовательности, в какой мужчина начинает оголять их перед величественной процедурой дефлорации (нужных словечек они уже нахватались), глаза их приобрели зоркость необычайную, инструментальную, они млели, разглядывая странные конфигурации еще ни разу не бритых подмышек, отмечали кривизну линий таза, талии, ног, подруги пальпировали соски и пространно рассуждали о древней тяге великовозрастных младенцев именно к этим вздутостям, хотя и считали охоту за грудями делом второстепенным для мужчин, главное же, к чему те стремились, было изучено с не меньшим тщанием, другое зеркало использовано было для этих надобностей. Война не прервала переписки, с цензурой приходилось считаться, да годочков прибавилось у сообщниц, Елена сочинила трактат о любви, на что ответом была формула: любовь, то есть поцелуи, объятия и половой акт, есть всего лишь трение слизистых оболочек и наружных участков кожи, что вскоре самую же подругу было опровергнуто, она скоропалительно вышла замуж и не без сарказма описывала первую брачную ночь, избранник сердца оказался хамом и бесчувственным негодяем, подруга страдала от физиологических неудобств; Елена предположила, что виной этому — убогость ложа любви, и получила совет: да, правильно, величайший миг в своей истории девушка должна предвзирать музыкой (Бах, Чайковский), желательны и цветы по сезону, рассыпанные в изголовье священного места жертвоприношения, полезны тренировки, заключающиеся в том, что девушка должна намеренно попадать в ситуации, когда раздевание ее перед мужчинами желательно, но не обязательно, именно в таких каверзных обстоятельствах девушка, сохраняя хладнокровие, возбуждается. Щепетильные вопросы предохранения от беременности замужняя подруга осветить не успела, муж, конструктор оборонного завода, увез молодую супругу в неизвестный город.

погубило в том смысле, что им никогда не воздавалось должное. Дело в том, что текст Азольского слишком хорошо, слишком затейливо написан, чтобы отнести его к чисто жанровой литературе. Сюжет же слишком занимателен, чтобы у автора и, соответственно, читателя оставалось желание как-то поразмыслить на отвлеченные темы.

Две разные энергии используются при чтении, скажем, «Зубра» Даниила Гранина и произведения братьев Вайнеров «Эра милосердия». «Клетка» Азольского заставляет вспомнить оба эти сочинения: Большая Наука от Гранина плюс триллерная атмосфера Вайнеров. Только без гранинской нудности, без милицейской идейности Вайнеров.

Но и «Зубр», и «Эра милосердия» были в свое время популярнейшими произведениями. Читатель открывал их — и находил то, что искал. Теперь в поисках отвлечения открывают, говорят, Маринину, в поисках пищи для ума — вероятно, Пелевина. Дать оба продукта в одном флаконе — какая-то, оказывается, неисполнимая задача. Не по-

тому что продукты плохи, а потому что читатель хочет иметь их в отдельности.

Непохоже, что автор задумывал пародию, эдакую конструкцию из набора клише вроде Тарантино или Сорокина. Нет, судя по интонациям, штукарство, так сказать, второго порядка, игра со штампами вообще чужда рецензируемому автору. В этом смысле его текст весьма архаичен.

Можно рассматривать его как попытку заново открыть «естественный» стиль, прямое и честное описание «жизни в формах самой жизни». Но обстоятельства времени таковы, что даже удачная (как в данном случае) попытка реализма, реанимация этого стиля все равно выглядят не более чем экзотической литературной забавой. Пережив клиническую смерть, русский реализм не скоро (если вообще когда-нибудь) вернет себе доминирующую роль среди способов литературного письма.

МИХАИЛ НОВИКОВ